

Научная статья
УДК 340.312
doi: 10.17223/22253513/50/5

О государственно-правовом компоненте доктринальных (научных) правовых понятий и категорий

Владимир Валентинович Кожевников¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия, kta6973@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые правовые понятия и категории (национальная правовая система, правовое регулирование, правопорядок), которые, являясь доктринальными (научными), содержат так называемый государственно-правовой компонент, отражающий взаимодействие государства и позитивного права.

Ключевые слова: доктринальные (научные) понятия и категории, взаимодействие государства и права, национальная правовая система, правовое регулирование, правопорядок, позитивная юридическая ответственность

Для цитирования: Кожевников В.В. О государственно-правовом компоненте доктринальных (научных) правовых понятий и категорий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 62–75. doi: 10.17223/22253513/50/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/5

On the state-legal component of doctrinal (scientific) legal concepts and categories

Vladimir V. Kozhevnikov¹

¹ Omsk State University, Omsk, Russian Federation, kta6973@rambler.ru

Abstract. In the scientific article the subject of the research are doctrinal (scientific) concepts and categories. The latter are understood as the most general, extremely broad legal generalisations (concepts), reflecting the main properties of phenomena of state-legal reality. It is argued that doctrinal concepts and categories should, firstly, correspond (not contradict) to legal (official) concepts; secondly, in their content have the so-called state-legal component reflecting the interaction of the state and positive law.

The national legal system, legal regulation and the rule of law were analysed as examples of legal concepts and categories. The national legal system is the most voluminous legal category, which is the result of the state's activity and is necessary to achieve certain goals. These provisions serve as a basis to critically evaluate the views of scholars who include in the content

of the national legal system and negative legal phenomena (legal nihilism, offences, the looseness of law, its inconsistency, etc.). It seems reasonable to believe that the national legal system is an element of state sovereignty, with the help of which the state makes its dictates binding, implements its internal and external functions.

The state-legal component is contained in the concept of "legal regulation", bearing in mind that modern states, in carrying out legal regulation, most often create norms of positive law themselves, but in some cases resort to sanctioning those norms of law created by non-state organisations or give legal force to certain non-legal norms.

With regard to the category of law and order, it should be borne in mind that the leading subject of establishing and protecting the rule of law is the state. Therefore, there are reasons to operate with such a category as state-legal order.

Keywords: doctrinal (scientific) concepts and categories, interaction of the state and law, national legal system, legal regulation, law and order, positive legal responsibility

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2023) On the state-legal component of doctrinal (scientific) legal concepts and categories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 62–75. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/5

Как известно, кроме легальных (официальных) понятий, категориально-понятийный аппарат юриспруденции составляют доктринальные (научные) понятия и категории, которые, во-первых, должны соответствовать (не противоречить) первым, а во-вторых, в своем содержании иметь так называемый **государственно-правовой компонент** (здесь и далее выделено нами. – В.К.), отражающий взаимодействие, порой сложное и противоречивое, государства и позитивного права.

Правовые понятия – содержательные научные представления, воспроизводящие идеально в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающие специфически их юридическую качественную определенность. Понятия выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Правовые понятия и термины – своеобразный и единственный в своем роде «строительный материал», используемый законодателем при конструировании и изложении правовых норм. Правовые понятия заключают в себе в концентрированном виде информацию о реальной и желательной действительности и позволяют правовым нормам относительно лаконично и обобщенно моделировать значимые для правового воздействия определенные ситуации. Имея предметом отражения в форме обобщения соответствующие государственно-правовые явления, правовые понятия, закрепленные в тексте закона, становятся **понятиями права**. А.Ф. Малый обоснованно утверждал, что «не каждое научное определение может формализовано, т.е. найти адекватное отражение в норме закона» [1. С. 95].

На основе понятий права базируются представления и оценки социальной направленности законов, их технико-юридические достоинства. Правовые понятия – это сгустки знаний об определенных социальных реалиях, а также информация о волевых устремлениях законодателя, обращенных в будущее. Для юриста понятия имеют чрезвычайно важное значение, ибо

они, как содержательные научные абстракции, в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это, образно говоря, своеобразные «кирпичики», из которых строится здание правовой науки. Научный характер они приобретают при условии, если объективно и достоверно отражают такие сложные явления, как право и государство. Правовые и государствоведческие понятия в этом смысле есть копия, слепок соответствующих государственно-правовых реалий.

Принято считать, что наиболее общие, предельно широкие правовые обобщения (понятия), отражающие основные свойства явлений государственно-правовой действительности (на надпонятийном уровне), выступают как **правовые категории**.

Сходство здесь действительно есть, однако есть и принципиальные несовпадения.

В юридической науке правовые категории понимаются как «систематизированная форма выражения правового знания, своеобразные сгустки человеческой мысли, совокупность таких мыслей, вобравших в себя знания о государственно-правовых явлениях, их свойствах и признаках» [2. С. 34].

В определенном смысле правовые категории, если пренебречь методологической строгостью, можно представить как предельные правовые понятия. В то же время от правовых понятий категории права существенно отличаются. Правовые категории выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Они отличаются своей фундаментальностью, представляя собой логическую основу, вокруг которой выстраивается система понятий, образуя «гнездо», «семью» правовых понятий, их логический ряд («право», «государство», «действие права», «правовая система», «правовая среда», «правовая культура» и др.). Так, В.И. Червонюк и соавт., рассматривая **правовую систему** как правовую категорию, обоснованно отмечали, что «правовая система... “притягивает” к себе все те явления правовой действительности, которые так или иначе характеризуют (“проявляют”) право, правовую доктрину, господствующее правосознание, тип правовой системы, правовой менталитет нации, нормы права...» [2. С. 50].

Чтобы наша позиция о государственно-правовом компоненте научных понятий и категорий была обоснована, следует привести некоторые примеры первых.

Итак, пожалуй, самой объемной и одновременно дискуссионной категорией юриспруденции является национальная правовая система. Не вдаваясь в научный спор о содержании правовой системы, который нашел отражение в юридической литературе [3. С. 37–49], обратим внимание лишь на те общетеоретические положения, которые представляют интерес в контексте настоящей научной статьи.

При всей дискуссионности вопроса о понятии правовой системы следует, на наш взгляд, особо обратить внимание в контексте данного вопроса

на позицию Р.В. Енгибаряна и Ю.К. Краснова, которые, рассуждая о правовой системе, пишут, что она **«результат деятельности государства, обусловлена объективными закономерностями развития общества и необходима государству для достижения определенных целей»** [4. С. 393]. В принципе данное положение не противоречит понятию правовой системы, которая трактуется как «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (**государством**) и используемый ими для достижения своих целей» [5. С. 290]. Л.А. Морозова обоснованно полагает, что «правовая система раскрывает **правовое развитие страны, конкретного народа, черты, присущие только данному государству**» [6. С. 159].

Думается, что вышеизложенные положения могут служить основанием того, чтобы правовую систему именовать **как государственно-правовую систему**. Более того, позиции ученых, подчеркивающие непосредственное взаимодействие государства, права и иных правовых явлений национальной правовой системы, позволяют критически оценивать взгляды тех авторов, которые, по тем или иным основаниям, включают в ее содержание и негативные правовые явления (правовой нигилизм, правонарушения, пробельность права, его противоречивость и т.д.) [7. С. 6; 8. С. 28; 9. С. 8].

В качестве обобщающего признака государства необходимо назвать **государственный суверенитет** – верховное, неотчуждаемое право государства самостоятельно решать свои вопросы внутреннего и внешнего характера, соблюдая законность и общепризнанные принципы и нормы международного права. Иными словами, это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на собственной территории и за ее пределами в международном общении. Это независимость государственной власти от всякой иной (политической и идеологической) внутри страны и вне ее, выраженная в ее исключительном, монопольном праве самостоятельно и свободно решать все свои дела.

Нетрудно понять, что государственный суверенитет имеет две стороны: **внутреннюю**, предполагающую исключительное, монопольное право на законодательство, управление и юрисдикцию внутри страны в пределах, и **внешнюю** самостоятельность и независимость во внешних делах, недопустимость вмешательства во внутренние (внутригосударственные) дела извне, кроме ограниченного числа случаев, предусмотренных международным правом.

Государственный суверенитет предполагает, что власть государства стоит над властью других организаций, партий и т.д., находящихся на территории данного государства; в международных отношениях он выражается в том, что власть данного государства не обязана, как правило, выполнять приказы других государств.

Государственный суверенитет, обеспеченный специальными средствами воздействия (армия, правоохранительные органы, специальные организаци-

онные средства), имеет **универсальный характер** – только решение государственной власти распространяется на все население и иные организации данной страны; **прерогативу** – возможность государства отменить и признать ничтожными любые незаконные действия другой общественной власти, а с **юридической точки зрения** суверенитет проявляется в исключительном праве на издание законов, других нормативно-правовых и правоприменительных актов, имеющих обязательный характер; в законном применении силы, в том числе физической.

Однако заметим, что не всякое государство непременно суверенно. Так, средневековые государства не могли считаться таковыми, ибо не обладали внешней независимостью: внутригосударственная власть ограничивалась властью церкви. В современном мире суверенитетом не обладают субъекты федерации (например, американские штаты; республики, входящие в состав Российской Федерации, хотя в Конституции Российской Федерации они обозначены государствами). Он свойственен лишь федерации в целом.

Представляется, что интерес представляет позиция О.В. Мартышина, утверждавшего, что «хотя суверенитет рассматривается ныне как важнейшее свойство или признак любого государства, понятие это сложилось сравнительно поздно, в эпоху становления абсолютизма в Западной Европе, когда велась напряженная война за политическую власть» [10. С. 104].

Обращаясь к истории становления и развития государственного суверенитета и его теории, одни авторы предлагают использовать при этом своего рода количественный, а точнее, временной критерий. Суть его в конечном счете сводится к «расчленению» всей истории развития рассматриваемого явления и отражающих его идей на определенные временные отрезки и последовательному их изучению. Такую позицию занимал, в частности, Л. Оппенгейм, который рассматривал понятие суверенитета, соответственно, в XVI–XVII вв., со времени его появления и первоначального развития, затем – в отдельности в XVIII–XIX вв. и, наконец, исследовал проблемы суверенитета в XX в. [11. С. 132–135]. Аналогичную позицию в отношении целесообразности и оправданности использования временного («количественного») критерия в процессе изучения истории становления и развития государственного суверенитета и отражающих его идей занимают и некоторые современные исследователи. Например, С. Грохальски считает, что, «для того чтобы внести некоторую ясность в понимание термина, мы прежде всего должны выделить три этапа формирования понятия “суверенитет”: предысторию (до XVI в.), историю (XVII–XIX вв.) и современность (XX в.)» [12. С. 4].

М.Н. Марченко, замечая, что, будучи впервые введенным в политическую науку Ж. Боденом в XVI в. как «суверенитет, данный государю» для «осуществления суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении» [13. С. 34–35], подчеркивал, что он по мере развития общества и государства постепенно эволюционировал сначала в сторону отделения от главы государства и перехода к

самому государству, а затем был распространен на высшие государственные органы (например, на парламент Великобритании в конце XIX – начале XX в.), на общество, точнее, народ (народный суверенитет), нацию (национальный суверенитет) [14. С. 79].

В.С. Шевцов трактует государственный суверенитет как совокупность неотъемлемых и органически присущих государственной власти свойств, выражающих ее сущность и проявляющихся в соответствующих политико-правовых формах во внутренней и внешней деятельности государства. К таким свойствам относятся верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость от какой-либо власти в международно-правовом общении [15. С. 107]. По мнению Н.И. Грачева, наличие в государстве верховной власти и считается фактическим реальным выражением его суверенитета [16. С. 23–24].

Отметим, что, будучи по своей природе и характеру политико-правовой, а точнее – **государственно-правовой категорией** [12. С. 24], понятие суверенитета охватывает собой и отражает в себе и другие сферы жизни общества: экономическую, идеологическую, социальную и т.д. [17. С. 186–187].

Интересным представляет то, что дефиницию «юрисдикция» часто связывают с категорией «суверенитет». Так, И.И. Лукашук в свое время считал, что «юрисдикция вытекает из суверенитета государства и означает его законодательную, судебную и административную власть, ее объем и сферу действия» [18. С. 252].

И.Д. Левин, изучавший феномен государственного суверенитета, указывая, что «принцип суверенитета был сформулирован в XVI в. и сразу же признан основным принципом государственной науки», говоря о рабовладельческом государстве, писал, что «мы можем говорить здесь лишь о приближении к суверенитету, а не о полном суверенитете государственной власти», определял «Римскую империю прообразом суверенного абсолютистского государства». В отношении же русского феодального государства ученый замечал следующее: «Политические условия развития русского государства в **XV–XVI вв.** благоприятствовали фактическому утверждению принципа суверенитета в государственной практике. Этот принцип был здесь сформулирован в виде самодержавия (в его первоначальном смысле независимой, производной власти). В этом отношении московское государство оказалось впереди современных ему западноевропейских государств» [19. С. 9, 185, 220].

На наш взгляд, отсутствие правовой системы общества как таковой на определенных исторических этапах его развития можно обосновать с позиции одного из признаков первой, предложенного В.Н. Карташовым, согласно которой «она (правовая система. – В.К.) является важнейшим элементом государственного суверенитета», с помощью которого «государство делает свои веления обязательными, осуществляет свои внутренние и внешние функции» [20. С. 50]. В принципе это положение соответствует точке зрения Ю.А. Тихомирова, полагающего, что национальные правовые системы создаются и действуют «как проявление суверенитета государства,

использующих и защищающих свое право в собственных целях» [7. С. 6]. В другой работе этот ученый, оперируя термином «правовой суверенитет», который, с точки зрения внутреннего аспекта, предполагает, в частности, «построение национальной правовой системы на основе тех или иных правовых идей и концепций» [21. С. 6].

Если размышлять логически, то получается, что при утрате государством своего суверенитета, который в условиях переосмысления его теории и практики пытаются представить лишь политическим синонимом конкурентоспособности [22], исчезает и национальная правовая система.

А.Н. Кольев в этой связи утверждает следующее: «Попытка очистить политический дискурс от лишних понятий привела некоторых исследователей к выводу, что термин “суверенитет” не имеет четкого определения и связанное с ним теории запутанны и часто сбивают с толку. Было обнаружено шесть различных понятий “суверенитет”, плохо согласующихся между собой. Предлагалось даже отказаться от столь многозначного термина». Ученый тем не менее полагает, что «распространенным аргументом против такого подхода является научная традиция, которая именно в термине «суверенитет» отражает устойчивость государств, чье существование определяет историю человечества многие сотни лет. Отказ от понятия “суверенитет”, обусловленный будто осложнившимися взаимовлияниями и взаимозависимостью современных государств, разрушил бы существующие опоры гражданского общества...» [23. С. 220]. Ученые утверждают, что «лишение государства суверенитета означало бы фактическое прекращение его существования или смертельную угрозу для его существования» [24. С. 46].

Другой пример понятия, содержащий государственно-правовой компонент, – **правовое регулирование**, являющееся первичным понятием по отношению к понятию «механизм правового регулирования».

В общей теории права значимое место занимает проблема правового регулирования, которая трактуется как осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, иных объективных факторов.

Правовое регулирование, наряду с иными признаками (это воздействие, которое осуществляется с помощью системы юридических средств, оно предполагает работу механизма правового регулирования и др.) рассматривается через призму того, что это государственное регулирование, поскольку нормы позитивного права устанавливаются или санкционируются государством, опираются на возможность применения принудительной силы государства. Н.А. Пьянов в этой связи замечает: «...тот факт, что в ряде случаев нормы позитивного права могут устанавливаться негосударственными органами или непосредственно народом, не меняет существа дела, так как негосударственные организации, а также народ устанавливают нормы с санкции (разрешения) государства» [25. С. 321].

Справедливости ради отметим, что не все ученые безоговорочно признают только государственный характер правового регулирования. Так, коллектив авторов полагает, что своим содержанием правовое регулирование охватывает:

1) специфическую деятельность государства (его нормотворческих органов), связанную с выработкой юридических установлений и определением юридических средств обеспечения их действенности. В указанном аспекте содержанием правового регулирования охватывается многообразная деятельность нормотворческих органов государства, связанная с выбором типа, методов, способов регламентации, определением соотношения нормативных и индивидуализированных средств регулирования, т.е. формированием того юридического инструментария, который объективно необходим в данных социально-экономических и политических условиях для обеспечения нормального функционирования гражданского общества, его институтов, организации жизнедеятельности людей на цивилизованных началах;

2) деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на поиск и привлечение средств юридического регулирования для согласования своего поведения с правом (его принципами, целями).

По мнению ученых, выделение данного вида правовой регуляции (наряду с государственным регулированием) согласуется с современными взглядами на правопонимание (и преобразование), исключает на практике утверждение монополии государства на «производство» права. Такой вывод вытекает из самой природы общедозволительного принципа организации правовой жизни цивилизованного строя и, соответственно, на социальной обусловленности права, которая всегда динамичнее правотворческой деятельности государства. С этой позиции правовое регулирование может быть представлено как государственным регулированием, так и регулированием, осуществляемым непосредственно адресатами права, т.е. саморегуляцией. Главным образом государственное регулирование права распространяется на публично-правовую сферу, а саморегуляцией охвачена сфера действия частного права [2. С. 97].

Принимая во внимание данную точку зрения, следует все-таки отметить, что, во-первых, и частное, и публичное право основываются на нормах, исходящих от государства; во-вторых, «чистых» отраслей публичного и частного права не существует.

Н.А. Пьянов в свое время утверждал, что «современные государства, осуществляя регулирование общественных отношений, чаще всего сами создают нормы позитивного права, но в некоторых случаях прибегают к санкционированию: они или разрешают создание таких норм каким-либо негосударственным организациям, или придают юридическую силу отдельным неправовым нормам» [26. С. 7].

Следует учитывать, что и сами правовые средства характеризуются как государственные средства. С позиции А.В. Малько, «правовые средства создают общие, гарантированные государством и обществом возможности

для усиления позитивных регулятивных факторов и одновременно для устранения препятствий (негативных факторов), стоящих на пути упорядочения социальных связей» [27. С. 355].

«Эффективно действующие нормы, – подчеркивает В.М. Сырых, – призваны закреплять такие юридические средства, которые позволили бы нейтрализовать негативные факторы и усилить действие позитивных. В противном случае действие негативных факторов будет более интенсивным, чем правовых средств. Соответственно, и результаты действия норм права будут иными, чем планировал правотворческий орган» [28. С. 10].

Думается, что не вызывает сомнения утверждение о том, что конечной целью работы механизма правового регулирования является **правопорядок**, т.е. фактическая упорядоченность общественных отношений с помощью норм позитивного права. Н.Н. Вопленко полагает, что «законность... “выливается” в правовой порядок. Он, таким образом, представляет собой результат осуществления законности, воплощается в объективно сложившийся в данном обществе системе правовых отношений» [29. С. 105].

С позиции Д.Н. Круглова и В.П. Реутова, «правопорядок есть категория, претендующая на описание конечной цели осуществления права» [30. С. 328].

Реальная роль тех или иных субъектов права в обеспечении режима законности и правопорядка определяется их правовым статусом и местом в процессе реализации права. Нет необходимости доказывать, что ведущим субъектом установления и охраны правопорядка, поддержания режима законности является государство, «поскольку именно в обеспечении **государственно-правового порядка** и заключается процесс функционирования всех государственных институтов и как динамический, деятельностно-содержательный аспект проявления сущности государства, и как института публичной власти, и как законодателя, и как правоприменителя, и как публично-властной правозащитной организации и гаранта режима законности и правопорядка» [31. С. 366]. Прав В.С. Нерсисянц, отмечая, что «государство – это не организация для решения экономических, культурных, экологических и иных сходных задач», а институт, обеспечивающий «надлежащий государственно-правовой порядок их решения» [32. С. 258].

Как только государство перестает обеспечивать государственно-правовой порядок жизнедеятельности общества, начинается процесс распада государственности. Он может приобретать совершенно различные формы: стагнация национальной экономики и ее возрастающая зависимость от международной экономической конъюнктуры; деформация единого экономического и правового пространства; кризис систем социальной защиты населения здравоохранения и, как следствие, расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан; увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности; рост безработицы; резкое сокращение рождаемости средней продолжительностью жизни в стране; деформация демографического и социального состава общества;

подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства; неспособность защитить общество от чуждой идеологической экспансии и, как следствие, деформация национальных духовных ценностей [31. С. 336–337].

Не трудно понять следующее: разрушение, деформация правопорядка самым непосредственным образом негативно влияют на национальную безопасность в самых различных формах (пространственной, политико-правовой, социально-экономической, экологической, культурной), учитывая тесную связь этих категорий. С.Н. Бабурин, признавая безопасность государства его признаком, полагает, что «безопасность территории является условием существования и развития государства, ибо невозможно ни то ни другое при отсутствии как неприкосновенности границ государства, так и саморегулирования государством правового режима территории» [33. С. 65]. И в обеспечение безопасности государства неocenимую роль играет механизм правового регулирования, все его правовые средства, функционирующие в совокупности. Обратим внимание на, что нами национальная безопасность и государственная безопасность отождествляются. В этой связи совершенно обоснованно утверждает А.Н. Кольевым, что «концепция национальной безопасности должна относиться прежде всего к государству и рассматривать угрозы его существованию, как внутренние, так и внешние» [23. С. 484].

В заключение подчеркнем, что наличие государственно-правового компонента является чрезвычайно важным для признания доктринальных понятий и категорий как таковых. Напротив, игнорирование указанного компонента как раз и привело к появлению в юридической науке, например, такого феномена, как позитивная юридическая ответственность, претендующего на статус правового понятия. Юридическая ответственность в позитивном смысле предполагает осознание субъектом права своего долга (особых обязанностей) перед обществом, коллективом, социальными группами. Такую ответственность субъект возлагает на себя как бы за будущие результаты своего правомерного поведения. Полагаю, что позитивная юридическая ответственность не развивает теорию юридической ответственности, а, наоборот, ее тормозит, ставит все «с ног на голову». Она не имеет собственно юридической специфики и ничем не отличается от общесоциальной ответственности.

Как замечает И.А. Кузьмин, «позитивная юридическая ответственность на сегодняшний день является достаточно спорной категорией, которая по сути не имеет своего самостоятельного места в юриспруденции» [34. С. 15].

Думается, что в этой связи следует согласиться с учеными, что позитивная юридическая ответственность вообще не укладывается в категориальный аппарат юридической науки, не признается явлением юридическим из-за отсутствия должного содержания правовых компонентов [35. С. 273; 36. С. 462].

Список источников

1. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 94–99.

2. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка М. : КолосС, 2003. 544 с.
3. Кожевников В.В. Право и правовая система: к проблеме терминологической точности (общетеоретический и историко-правовой аспекты) // Государство и право. 2020. № 2. С. 37–49.
4. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Норма, 2003. 575 с.
5. Перевалов В.Д. Правовая система общества: структура и закономерности развития // Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2007. С. 290–303.
6. Морозова Л.А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: Эксмо, 2003. 285 с.
7. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. 1999. № 8. С. 5–12.
8. Захарова М.В. Французская правовая система: теоретический анализ. М. : Проспект, 2016. 162 с.
9. Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Правоведение. 2003. № 2. С. 4–14.
10. Мартышин О.В. Понятие и сущность государства // Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М. : Норма, 2017. С. 87–126.
11. Оппенгейм Л. Международное право. М. : Гос. изд-во иностранной литературы, 1948. Т. 1. Мир: Полумтом 1. 408 с.
12. Грохальски С. Государства в решении современных глобальных проблем (Международно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 43 с.
13. Боден Ж. Шесть книг о государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. 1. Зарубежная политико-правовая мысль / сост. В.В. Ячевский. Воронеж : Воронеж. ун-т, 2000. 1000 с.
14. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2008. 399 с.
15. Шевцов В.С. Суверенитет Советского государства. М. : Юрид. лит., 1972. 264 с.
16. Грачев Н.И. Верховная власть как реальное выражение суверенитета государства // Право и правоприменение: история, проблемы, тенденции, перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. С.Л. Никонович. Липецк : МИПиЭ, 2003. Вып. 2. С. 24–32.
17. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.
18. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
19. Левин И.Д. Суверенитет. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 373 с.
20. Карташов В.Н. Правовая система общества : учеб. пособие : в 2 т. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2006. Т. 1. 547 с.
21. Тихомиров Ю.А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.
22. Сурков В. Суверенитет– это политический синоним конкурентноспособности. М. : Ленанд, 2006. 80 с.
23. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М. : Логос, 2005. 800 с.
24. Карева М.П., Кечебян С.Ф., Федосеева А.С., Федькин Г.И. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Госюриздат, 1955. 460 с.
25. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2010. 583 с.
26. Пьянов Н.А. Государственное регулирование и его механизм : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2010. 151 с.

27. Малько А.В. Проблемы правовых средств// Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. М. : Юрист, 2002. С. 354–372.
28. Сырых В.М. Истинность и правильность как критерии теоретической эффективности норм права // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А.Тихомирова. М. : Издание, 1997. С. 9–28.
29. Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2006. 136 с.
30. Круглов Д.Н., Реутов В.П. Правопорядок: философско-правовой разбор // Философия права : курс лекций : в 2 т. /отв. ред. М.Н. Марченко М. : Проспект, 2011. Т. 2. С. 328–335.
31. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика : учеб. пособие. М. : Юнити-ДАНА, Закон и право, 2007. 479 с.
32. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, 2010. 552 с.
33. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 480 с.
34. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2013. 219 с.
35. Шабуров А.С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность//Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2007. С. 259–274.
36. Шепелев В.И. Юридическая ответственность //Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И. Теория государства и права : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2006. С. 438–469.

References

1. Malyy, A.F. (2001) Gosudarstvennaya vlast' kak pravovaya kategoriya [State power as a legal category]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 94–99.
2. Goyman-Kalinskiy, I.V., Ivanets, G.I. & Chervonyuk, V.I. (2003) *Elementarnye nachala obshchey teorii prava* [Elementary Principles of the General Theory of Law]. Moscow: Kolos.
3. Kozhevnikov, V.V. (2020) Pravo i pravovaya sistema: k probleme terminologicheskoy tochnosti (obshcheteoreticheskiy i istoriko-pravovoy aspekt) [Law and legal system: On terminological accuracy (general theoretical and historical-legal aspects)]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 37–49.
4. Engibaryan, R.V. & Krasnov, Yu.K. (2003) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma.
5. Perevalov, V.D. (2007) Pravovaya sistema obshchestva: struktura i zakonomernosti razvitiya [The legal system of society: The structure and patterns of development]. In: Perevalov, V.D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 290–303.
6. Morozova, L.A. (2003) *Teoriya gosudarstva i prava. Povtoritel'nyy kurs v voprosakh i otvetakh* [Theory of Government and Rights. A Refresher Course in Questions and Answers]. Moscow: Eksmo.
7. Tikhomirov, Yu.A. (1999) Pravo: natsional'noe, mezhdunarodnoe, sravnitel'noe [Law: national, international, comparative]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 5–12.
8. Zakharova, M.V. (2016) *Frantsuzskaya pravovaya sistema: teoreticheskiy analiz* [The French legal system: theoretical analysis]. Moscow: Prospekt.
9. Sorokin, V.V. (2003) K ponyatiyu pravovoy sistemy [To the concept of the legal system]. *Pravovedenie*. 2. pp. 4–14.
10. Martyshin, O.V. (2017) Ponyatie i sushchnost' gosudarstva [The concept and essence of the state]. In: Martyshin, O.V. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 87–126.

11. Oppenheim, L. (1948) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostrannoy literatury.
12. Grokhalski, S. (1998) *Gosudarstva v reshenii sovremennykh global'nykh problem (Mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [States in solving modern global problems (international law aspects)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
13. Boden, J. (2000) *Shest' knig o gosudarstve* [Six books about the state]. In: Yachevskiy, V.V. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Vol. 1. Voronezh: Voronezh State University.
14. Marchenko, M.N. (2008) *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [State and Law in the Context of Globalization]. Moscow: Prospekt.
15. Shevtsov, V.S. (1972) *Suverenitet Sovetskogo gosudarstva* [Sovereignty of the Soviet State]. Moscow: Yurid. lit.
16. Grachev, N.I. (2003) *Verkhovnaya vlast' kak real'noe vyrazhenie suvereniteta gosudarstva* [Supreme power as a real expression of the state sovereignty]. In: Nikonovich, S.L. (ed.) *Pravo i pravoprimenenie: istoriya, problemy, tendentsii, perspektivy* [Law and Law Enforcement: History, Problems, Trends, Prospects]. Vol. 2. Lipetsk: MIPiE. pp. 24–32.
17. Marchenko, M.N. (2003) *Gosudarstvennyy suverenitet: problemy opredeleniya ponyatiya i sodержaniya* [State sovereignty: Problems of defining the concept and content]. *Pravovedenie*. 1. pp. 186–197.
18. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. A General Part]. Moscow: Volters Kluver.
19. Levin, I.D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
20. Kartashov, V.N. (2006) *Pravovaya sistema obshchestva* [Legal System of Society]. Vol. 1. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
21. Tikhomirov, Yu.A. (2013) *Pravovoy suverenitet: sfery i garantii* [Legal sovereignty: Spheres and guarantees]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 5–20.
22. Surkov, V. (2006) *Suverenitet – eto politicheskii sinonim konkurentnosposobnosti* [Sovereignty is a political synonym for competitiveness]. Moscow: Lenand.
23. Koliev, A.N. (2005) *Natsiya i gosudarstvo. Teoriya konservativnoy rekonstruktsii* [Nation and State. The Theory of Conservative Reconstruction]. Moscow: Logos.
24. Kareva, M.P., Kechekyan, S.F., Fedoseeva, A.S. & Fedkin, G.I. (1955) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Gosyurizdat.
25. Pyanov, N.A. (2010) *Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava* [Consultations on the Theory of State and Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. Pyanov, N.A. (2010) *Gosudarstvennoe regulirovanie i ego mekhanizm* [State Regulation and its Mechanism]. Irkutsk: Irkutsk State University.
27. Malko, A.V. (2002) *Problemy pravovykh sredstv* [Problems of legal means]. In: Marchenko, M.N. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Moscow: Yurist". pp. 354–372.
28. Syrykh, V.M. (1997) *Istinnost' i pravil'nost' kak kriterii teoreticheskoy effektivnosti norm prava* [Truth and correctness as criteria for the theoretical effectiveness of legal norms]. In: Syrykh, V.M. & Tikhomirov, Yu.A. (eds) *Effektivnost' zakona. Metodologiya i konkretne issledovaniya* [Effectiveness of the Law. Methodology and Specific Research]. Moscow: Izdanie. pp. 9–28.
29. Voplenko, N.N. (2006) *Zakonnost' i pravovoy poryadok* [Legality and Legal Order]. Volgograd: Volgograd State University.
30. Kruglov, D.N. & Reutov, V.P. (2011) *Pravoporyadok: filosofsko-pravovoy razbor* [Legal order: A philosophical and legal analysis]. In: Marchenko, M.N. (ed.) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Vol. 2. Moscow: Prospekt. pp. 328–335.
31. Avrutin, Yu.E. (2007) *Gosudarstvo i pravo. Teoriya i praktika* [State and Law. Theory and Practice]. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i parvo.
32. Nersesyants, V.S. (2010) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow: Norma.

33. Baburin, S.N. (1997) *Territoriya gosudarstva: pravovye i geopoliticheskie problem* [Territory of the State: Legal and Geopolitical Problems]. Moscow: Moscow State University.
34. Kuzmin, I.A. (2013) *Yuridicheskaya otvetstvennost' i ee realizatsiya* [Legal Responsibility and its Implementation]. Irkutsk: Irkutsk State University.
35. Shaburov, A.S. (2007) *Pravomernoe povedenie. Pravonarushenie. Yuridicheskaya otvetstvennost'* [Lawful behavior. Offense. Legal liability]. In: Perevalov, V.D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 259–274.
36. Shepelev, V.I. (2006) *Yuridicheskaya otvetstvennost'* [Legal liability]. In: Lyubashits, V.Ya., Smolenskiy, M.B. & Shepelev, V.I. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov-on-Don: Feniks. pp. 438–469.

Информация об авторе:

Кожевников В.В., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: kta6973@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kozhevnikov V.V., Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kta6973@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 20.12.2023.*